

УДК 343.288
ББК 67.408

РУССКАЯ ПРАВДА: ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, СМЯГЧАЮЩИЕ И ОТЯГЧАЮЩИЕ НАКАЗАНИЯ

Всеволод Евгеньевич Лоба

Кандидат юридических наук, доцент,
начальник управления научно-исследовательской деятельностью,
Армавирский государственный педагогический университет
vsevolodka@inbox.ru
ул. Розы Люксембург, 159, 352901 г. Армавир, Российская Федерация

Анастасия Сергеевна Малахова

Кандидат исторических наук,
заведующая кафедрой теории и истории государства и права,
Армавирский лингвистический социальный институт
mlhvnastya@mail.ru
ул. Кирова, 22–24, 352901 г. Армавир, Российская Федерация

Аннотация. В статье проведен анализ обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказания по Русской Правде (в Краткой и Пространной редакциях). Анализируются такие смягчающие и отягчающие обстоятельства, как «состояние опьянения», «неоконченное преступление», «соучастие в преступлении», «социальное положение потерпевшего», «множественность преступлений».

Ключевые слова: Русская Правда; наказание; обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказания; преступление; множественность преступлений.

Как отмечается в одном из первых отечественных диссертационных исследований по уголовному праву, «российские законы являются разнообразными соответственно разным периодам времени. Закон вообще, как говорят, суть отпечаток духа народного, суть верные свидетели его времени, образования, нравственности и проч.» [7, с. 22]. Тем не менее на всех временных отрезках объединяющим является то, что в поиске оптимального соотношения законодательных предписаний правоприменителю и его усмотрения в вопросах ответственности виновных в целом и наказания в частности смягчающим и отягчающим обстоятельствам отводится заметная роль [12, с. 139].

Основной правовой памятник Древней Руси «Русская Правда» («Правда Роськая», «Правда Русьская»), под которым традиционно понимаются три возникших одновременно, но тесно связанных между собой памятника, также рассматривал наиболее типичные обстоятельства, имеющие определенное направление влияния на ответственность и относящиеся к личности виновного и потерпевшего [18].

В условный перечень обстоятельств, которые древнерусский законодатель при назначении наказания в первую очередь признавал смягчающими, входило, без подразделения на полное и неполное, состояние опьянения преступника. Так, по Русской Правде убийство, совершенное «в пиру явлено» (убий-

ство на пиру, в состоянии опьянения), позволяло избрать менее строгий размер наказания по сравнению с убийством, совершенным «в разбое» [18; 19, с. 371].

Истоки снисходительного отношения к состоянию опьянения идут от русского обычая князя делить трапезу с дружиной. Этот обязательный ритуал скреплял дружбу князя с воинами, что являлось немаловажным. Кроме того, славяно-росы привыкли к хмельным напиткам, так как вино и пиво снимали усталость походов, но строгий ритуал пиров не допускал «буйства во хмелю». Отказ от традиции совместных пиров сулил князю потерю дружины, которая усмотрела бы в этом оскорбительное пренебрежение [6, с. 226]. Как грустно констатировал позже Н.А. Неклюдов, выпивка вошла в обычай русского народа: он пьет на крестинах, на именинах, на похоронах, пьет при проводах, при встрече, при бракосочетании, при заключении каких-либо сделок, где он пьет магарычи [2, с. 382].

Однако не во всех списках Русской Правды опьянение рассматривается как смягчающее наказание обстоятельство. Так, в Синодальном первом списке, в Чудовском втором списке, Румянцевском (Новгородском II) списке отсутствуют нормы об ответственности за деяние, которое «в пиру явлено» [18; 20, с. 6–7].

Более того, по мнению современного исследователя О.И. Чистякова, в убийстве на пиру имело значение не состояние опьянения, а элемент простой ссоры между равными людьми. «Больше того, Русская Правда знает случаи, когда опьянение вызывает повышенную ответственность. Так, если хозяин бьет закупа под пьяную руку, то теряет этого закупа со всеми его долгами; купец, пропивший доверенный ему чужой товар, отвечает не только в гражданском, и в уголовном порядке, притом весьма строго» [9, с. 69–70; 18].

На наш взгляд, в самом общем виде это является отражением борьбы христианства с язычеством, при которой пьянство, песни и игры бесовские, всевозможные пиршества: тризны, брачные пиры, праздничный разгул, скоморошество и пр. – признавались «последним приютом язычества, последним напоминанием о нем и его последним пережитком» [1, с. 156]. Так, в перечень грехов чисто русского характера в «Слове некого христоролюб-

ца и наказание отца духовного» (о покорении и послушании) были, в частности, включены пьянство, пиры «и вся соблазны» [5, с. 370].

Не отвлекаясь от рассматриваемой темы, можно отметить, что ни в одном письменном памятнике до первой трети XIII в. (до монголо-татарского нашествия) не упоминается о пьянстве [21, с. 8]. Дело в том, что наши предки, в отличие от современных им жителей старой Европы, пили мало, до XVI в. основном мед, пиво и отчасти привозное вино, поэтому пьянство и его последствия не представляли собой общественной проблемы. Таким образом, Русь вступила в Средневековье и вышла из него трезвой [14, с. 76–79].

Древнерусский законодатель признает неоконченность преступления в качестве смягчающего обстоятельства [4, с. 316–317]. Например: «Аже ударить мечемь, а не утнеть на смерть, то 3 гривны, а самому гривна за рану, (о)же лечебное; потнеть ли на смерть, а вира» – ст. 30 Пространной редакции [18]. В данном случае можно говорить о такой стадии неоконченного преступления, как покушение на убийство, когда происходит недоведение преступного посягательства до стадии оконченого преступления. При этом причины, помешавшие довести начатое преступное действие до его логического завершения, в законе не указываются.

Русская Правда знает соучастие в преступлении, понимая это в самом примитивном виде как преступление нескольких лиц, добровольно объединившихся для достижения общей преступной цели. При этом законодатель не индивидуализирует ответственность соучастников: «Аже украдут овьцу, или козу, или свинью, а их будеть 10 одну овьцу украде, да положить по 60 резан продажи; а хто изимал, тому 10 резан» – ст. 40 Краткой редакции; «Аже крадеть кто скот в хлехе или клеть, то (о) же будеть один, то платити ему 3 гривны и 30 кун; будеть ли их много, всем по 3 гривны и по 30 кун платит (и)» – ст. 41 Пространной редакции [18]. Как видим, численность участников группового преступления законом определяется словами «много» и «а их будеть 10...», но карает каждого исполнителя преступления в равной мере. Иными словами, сколько соучастников, столько и отдельных наказуемых преступлений [13, с. 184].

Тем не менее существуют свидетельства использования в рассматриваемый период смягчения наказания в отношении некоторых соучастников. Например, князь Ярослав не предал казни всех без исключения виновных волхвов, а сделал между ними следующее различие: «одних из них по казни, а других расточи». Очевидно, что это различие в наказании имело своим основанием различные степени участия в преступлении, что оно, словом, соразмерялось с виной тех и других волхвов [2, с. 528]. Если осовременить последнее суждение, то князь Ярослав, выступая в качестве судьи, при назначении наказания волхвам учел не только роль каждого в совместно совершенном преступлении, но и конкретно совершенные ими при этом действия. Учет этих обстоятельств, свидетельствующих о меньшей опасности виновных и совершенного ими преступления, позволил князю смягчить наказание.

Объяснение подобному феномену со ссылкой на Ипатьевскую летопись 1170 г. дает в своем диссертационном исследовании, посвященном развитию понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого, А.М. Богдановский, по мнению которого выбор князем того или иного наказания зависел «совершенно от его произвола. Иногда он за одно и то же преступление в одном случае наказывал так, в другом иначе, иногда же и совсем не наказывал виновного или же только удалял его от себя» [3, с. 62]. С данной точкой зрения имеет смысл согласиться, поскольку если термин «произвол» трактовать как «судейское усмотрение», то никаких принципиальных разногласий с нашим мнением по большому счету она не имеет.

К обстоятельствам, отягчающим наказание виновного, Русская Правда относала социальное положение потерпевшего, и чем выше было сословное положение последнего в обществе, тем строже наказание за содеянное. «Правда Ярославичей отражает уже развивающиеся феодальные отношения. Огнищане (бояре, члены старшей дружины), верхушка княжеских слуг (тиуны, старшие конюшие) стали пользоваться усиленной уголовно-правовой охраной» [8, с. 165].

Законодатель видел в таких действиях оскорбление правительственной власти и вообще большую опасность для государства

[10, с. 49]. Так, по ст. 1 Краткой редакции за убийство любого свободного человека назначалась вира в 40 гривен. Аналогичное наказание назначалось по ст. 11 Пространной редакции и за убийство младших представителей княжеской администрации. Но уже за убийство огнищанина – главного управляющего княжеским хозяйством «в обиду» – ст. 19 Краткой редакции – с убийцы взыскивается двухвирье – 80 гривен с одновременным запретом верви оказывать помощь виновному в сборе денег для уплаты виры [18].

По Пространной редакции за убийство «княжа мужа» (ст. 3, «за тивун за огнищный и за конюший», ст. 12), представителя высшей прослойки княжеских слуг, также вводится двойной штраф [18], что, безусловно, позволяет в удвоении штрафа видеть обстоятельство, усиливающее наказание.

К этому перечню следует отнести и совершение преступления ночью. В ст. 38 Краткой редакции (ст. 40 Пространной редакции) [18] закреплена важная позиция древнерусского законодателя относительно права владельца убить вора на своем дворе, у клети или у хлева, но с единственным ограничением: убить можно только ночью и нельзя убивать связанного вора. Как видим, законодатель дифференцирует татьбу, совершенную ночью, от татьбы в дневное время, введением более строгих санкций в отношении «ночного вора».

Несмотря на противоположное мнение некоторых дореволюционных ученых [19, с. 371], древнерусскому законодателю все же известна множественность преступлений. «Повторение, в особенности того же самого преступления (рецидива идентичная), считалось в старину таким обстоятельством, которое превращало наказание из низшего в самое высшее, даже в смертную казнь» [15, с. 146]. Вспомним ст. 35 Пространной редакции: «...аще будет коневыи тать, выдати князю на поток...» [18]. С позиции сегодняшнего дня в этой норме речь идет о таком известном в доктрине уголовного права виде множественности преступлений, как преступный промысел, поскольку под коневым татем понимался профессиональный конокрад, обративший конокрадство в ремесло [8, с. 167].

В связи с вышеизложенным, пожалуй, будет вполне уместно процитировать следу-

ющее положение современного уголовного права: «Преступный промысел предполагает деятельность виновного в течение более или менее продолжительного периода» [11, с. 89].

М.Ф. Владимирский-Буданов также стоит на позиции, что под коневым татем разумеется конокрад по ремеслу и рецидивист: «...именно коневой тать выдается князю на поток, тогда как клетный платит только 3 гр(ивны)...» [4, с. 322].

В связи с изложенным следует отметить, что преступники-конокрады являлись самыми ненавидимыми народом людьми. В этой связи можно процитировать отрывок из одного известного литературного произведения: «В конокрады шли мужики, безжалостные к людскому горю, двужильные здоровьем, заранее готовые выносить побои от целой деревни. Конокрад невольно становился отщепенцем народа и с каждой украденной лошадью отходил от крестьянского мира все дальше, вставая не только против закона, но и делаясь врагом своего народа, который он – враждуя с ним! – учился презирать. И носили они сапоги со скрипом, рубахи шелковые, ножики за голенищами, а в глазах у конокрадов было что-то дикое и озорное, было что-то бесовское» [16, с. 20].

Между тем А. Попов в своей магистерской диссертации высказывает мысль, что «слова коневой тать не означают вора, укравшего лошадь, но того, который крадет на коне, стало быть, разбойника в собственном смысле» [17, с. 68]. К сожалению, аргументы в отношении приведенного автором суждения для нас показались неубедительными, прежде всего потому, что под именем разбой в древнем праве вообще назывались убийства, точно так же, как название воровства и вора служило в позднейшее время для общего обозначения уголовных преступлений и преступников [4, с. 319], из чего уже давно был сделан вывод, что разбойник – это убийца [22, с. 373].

Таков перечень обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание виновного по известным нам редакциям Русской Правды, который, судя по всему, вряд ли мог быть исчерпывающим. Дело в том, что исследуемый нами древнерусский памятник вобрал в себя лишь небольшую часть применявшихся на практике и рассматривавшихся здесь норм, вследствие чего не может дать полного и дос-

конального представления обо всем древнерусском праве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аничков, Е. В. Язычество и Древняя Русь / Е. В. Аничков. – СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1914. – 428 с.
2. Бернер, А. Ф. Учебник уголовного права. Части общая и особенная. С примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному Магистра Угол. Пр. Н. Неклюдова. Т. I. Часть общая / А. Ф. Бернер. – СПб. : Тип. Н. Тиблена и комп., 1865. – 940 с.
3. Богдановский, А. М. Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого / А. М. Богдановский. – М. : Катков и К, 1857. – 146 с.
4. Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. – 7-е изд. – Киев ; СПб. : И.Н. Кушнарев и К, 1905. – 699 с.
5. Гальковский, Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. I / Н. М. Гальковский. – Харьков : Епарх. тип., 1916. – 388 с.
6. Гумилев, Л. Н. От Руси до России / Л. Н. Гумилев. – М. : ДИ-ДИК, 1997. – 560 с.
7. Ерофеев, С. Г. Рассуждения о доказательствах Уголовных преступлений и о свойствах сих доказательств вообще и в особенности по Российским узаконениям, написанное Кандидатом Семеном Ерофеевым для получения степени Магистра по части Российского Правоведения / С. Г. Ерофеев. – Харьков : Унив. тип., 1825. – 80 с.
8. Исаев, М. М. Уголовное право Киевской Руси / М. М. Исаев // Ученые труды Всесоюзного института юридических наук Министерства юстиции СССР. Вып. VIII. – М., 1946. – С. 153–176.
9. История отечественного государства и права. В 2 ч. Ч. 1 / под ред. О. И. Чистякова. – М. : Юристь, 2005. – 430 с.
10. Колосовский, П. Д. Очерк исторического развития преступлений против жизни и здоровья. Опыт исследования по русскому уголовному праву / П. Д. Колосовский. – М. : Т. Т. Волков и К, 1857. – 290 с.
11. Красиков, Ю. А. Лекции 2–3. Понятие преступления. Множественность преступлений / Ю. А. Красиков, А. М. Алакаев. – М. : Норма, 1996. – 104 с.
12. Кругликов, Л. Л. Дифференциация ответственности в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, А. В. Васильевский. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – 300 с.

13. Максимейко, Н. А. Опыт критического исследования Русской Правды. Краткая редакция. Вып. 1 / Н. А. Максимейко. – Харьков : Тип. и лит. М. Зильберберг, 1914. – 221 с.

14. Мединский, В. Р. Скелеты из шкафа русской истории / В. Р. Мединский. – М. : Олма Медиа Групп, 2011. – 528 с.

15. Неклюдов, Н. А. Общая часть уголовного права / Н. А. Неклюдов. – СПб. : Тип. П.П. Меркулева, 1875. – 192 с.

16. Пикуль, В. С. Нечистая сила / В. С. Пикуль. – Краснодар : Краснодар. кн. изд-во, 1992. – 733 с.

17. Попов, А. Н. Русская Правда в отношении к уголовному праву / А. Н. Попов. – М. : Унив. тип., 1841. – 122 с.

18. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси / под общ. ред. О. И. Чистякова. – М. : Юрид. лит., 1984. – 432 с.

19. Сергеевич, В. Лекции и исследования по древней истории русского права / В. Сергеевич. – 4-е изд. – СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича. 1910. – 667 с.

20. Спасенников, Б. А. Состояние опьянения и его уголовно-правовое значение (теория, уголовно-правовое регулирование, практика) / Б. А. Спасенников, С. Б. Спасенников. – М. : Юрлитинформ, 2011. – 142 с.

21. Ткачевский, Ю. М. Право и алкоголизм / Ю. М. Ткачевский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1987. – 160 с.

22. Эверс, И. Ф. Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / И. Ф. Г. Эверс. – СПб. : Тип. штаба отдел. корпуса внутр. стражи, 1835. – 423 с.

REFERENCES

1. Anichkov E.V. *Yazychestvo i Drevnyaya Rus* [Paganism and Old Russia]. Saint Petersburg, Tip. M.M. Stasyulevicha, 1914. 428 p.

2. Berner A.F. *Uchebnik ugovnogo prava. Chasti obshchaya i osobennaya. S primechaniyami, prilozheniyami i dopolnениyami po istorii russkogo prava i zakonodatelstvu polozhitelnomu Magistra Ugovnogo Prava N. Neklyudova. T. I. Chast obshchaya* [Textbook of Criminal Law. General and Special Parts. With Notes, Applications and Supplements on the History of Russian Law and Legislation Expressed by Master of Criminal Law N. Neklyudov. Vol. 1. General Part]. Saint Petersburg, Tip. N. Tiblena i komp., 1865. 940 p.

3. Bogdanovskiy A.M. *Razvitie ponyatiy o prestuplenii i nakazanii v russkom prave do Petra Velikogo* [The Development of Concepts of Crime and Punishment in the Russian Law Before Peter the Great]. Moscow, Katkov i K Publ., 1857. 146 p.

4. Vladimirskiy-Budanov M.F. *Obzor istorii russkogo prava* [A Brief of Russian Law History]. Kiev, Saint Petersburg, I.N. Kushnarev i K Publ., 1905. 699 p.

5. Galkovskiy N.M. *Borba khristianstva s ostatkami yazychestva v Drevney Rusi. T. I* [Christian Struggle Against the Remnants of Paganism in Old Russia]. Kharkov, Eparkhialnaya tipografiya, 1916. 388 p.

6. Gumilev L.N. *Ot Rusi do Rossii* [From Rus to Russia]. Moscow, DI-DIK Publ., 1997. 560 p.

7. Erofeev S. *Rassuzhdeniya o dokazatelstvakh Ugolovnykh prestupleniy i o svoystvakh sikh dokazatelstv voobshche i v osobennosti po Rossiyskim zakononiyam, napisannoe Kandidatom Semenom Erofeevym dlya polucheniya stepeni Magistra po chasti Rossiyskogo Pravovedeniya* [The Arguments About the Evidence of a Criminal Offense and on the Properties of All the Evidence in General and Especially According to the Russian Law Written by Candidate Semen Erofeev for Obtaining the Masters Degree in Russian Jurisprudence]. Kharkov, Universitetskaya tipografiya, 1825. 80 p.

8. Isaev M.M. *Ugolovnoe pravo Kievskoy Rusi* [Criminal Law of Kievan Rus]. *Uchenye trudy Vsesoyuznogo instituta yuridicheskikh nauk Ministerstva yustitsii SSSR. Vyp. VIII* [Scientific Works of All-Union Institute of Legal Sciences of the USSR Ministry of Justice. Iss. VIII]. Moscow, 1946, pp. 153-176.

9. Chistyakov O.I., ed. *Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava. V 2 ch. Ch. 1* [History of Domestic State and Law. In 2 Parts. Part 1]. Moscow, Yurist Publ., 2005. 430 p.

10. Kolosovskiy P.D. *Ocherk istoricheskogo razvitiya prestupleniy protiv zhizni i zdorovya. Opyt issledovaniya po russkomu ugovnomu pravu* [The Essay on Historical Development of Crimes Against Life and Health. Previous Research on the Russian Criminal Law]. Moscow, T.T. Volkov i K Publ., 1857. 290 p.

11. Krasikov Yu.A., Alakaev A.M. *Lektsii 2-3. Ponyatie prestupleniya. Mnozhestvennost prestupleniy* [Lectures 2-3. The Concept of Crime. Multiple Offenses]. Moscow, Norma Publ., 1996. 104 p.

12. Kruglikov L.L., Vasilyevskiy A.V. *Differentsiatsiya otvetstvennosti v ugovnom prave* [Differentiation of Responsibility in Criminal Law]. Saint Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press, 2002. 300 p.

13. Maksimeyko N.A. *Opyt kriticheskogo issledovaniya Russkoy Pravdy. Kratkaya redaktsiya. Vyp. 1* [Experience in Critical Study of Russkaya Pravda. Iss. 1]. Kharkov, M. Zilberberg Press, 1914. 221 p.

14. Medinskiy V.P. *Skelety iz shkafa russkoy istorii* [The Skeletons in the Closet of Russian History]. Moscow, Olma Media Group, 2011. 528 p.

15. Neklyudov N.A. *Obshchaya chast ugovnogo prava* [The General Part of Criminal Law]. Saint Petersburg, P.P. Merkulyev Press, 1875. 192 p.

16. Pikul V.S. *Nechistaya sila* [Devilry]. Krasnodar, Krasnodarskoe knizhnoe izd-vo, 1992. 733 p.

17. Popov A.N. *Russkaya Pravda v otnoshenii k ugovnomu pravu* [Russkaya Pravda in Relation to Criminal Law]. Moscow, University Press, 1841. 122 p.

18. Chistyakov O.I., ed. *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X-XX vekov. V 9 t. T. 1. Zakonodatel'stvo Drevney Rusi* [Russian Legislation in 10th-20th Centuries. Legislation of Old Russia. In 9 vols. Vol. 1]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1984. 432 p.

19. Sergeevich V. *Lektsii i issledovaniya po drevney istorii russkogo prava* [Lectures and Research on the Ancient History of Russian Law]. Saint Petersburg, M.M. Stasyulevich Press, 1910. 667 p.

20. Spasennikov B.A., Spasennikov S.B. *Sostoyanie opyaneniya i ego ugovno-pravovoe znachenie (teoriya, ugovno-pravovoe regulirovanie, praktika)* [Drunken State and Its Criminal Legal Significance]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2011. 142 p.

21. Tkachevskiy Yu.M. *Pravo i alkogolizm* [Law and Alcoholism]. Moscow, Moscow University Press, 1987. 160 p.

22. Jevers I.F.G. *Drevneyshee russkoe pravo v istoricheskom ego raskrytii* [Ancient Russian Law in Its Historical Disclosure]. Saint Petersburg, Tipografiya shtaba otdelnogo korpusa vnutrenney strazhi, 1835. 423 p.

RUSSKAYA PRAVDA: AGGRAVATING AND MITIGATING CIRCUMSTANCES

Vsevolod Evgenyevich Loba

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor,
Head of R&D Department,
Armavir State Pedagogical University
vsevolodka@inbox.ru
Rozy Lyuksemburg St., 159, 352901 Armavir, Russian Federation

Anastasiya Sergeevna Malakhova

Candidate of Historical Sciences,
Head of Department of Theory and History of State and Law,
Armavir Institute of Linguistics and Sociology
mlhvnastya@mail.ru
Kirova St., 22-24, 352901 Armavir, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the mitigating and aggravating circumstances and their role in the cause of punishment according to Russkaya Pravda (in the brief and in the detailed version). The authors analyze such mitigating and aggravating circumstances as “intoxication”, “incomplete crime”, “participation in a crime”, “social status of the victim”, “multiple offenses”. The old Russian source that we investigated incorporates only a small part of rules which were applied in practice, so it cannot provide a complete and thorough information about old Russian law.

Key words: Russkaya Pravda, punishment, aggravating and mitigating circumstances, crime, multiple crimes.